

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА:

Я пишу эти заметки в дни, когда исполняется сорок пять лет начала ленинградской блокады. На Марсовом поле, на Невском, на Петроградской и Выборгской стороне, меж одетых в золотые осенние кольчуги деревьев, среди старинных зданий и только что сданных новостроек вновь слышен мне сквозь ритмичное постукивание метронома взволнованный голос Дмитрия Шостаковича: «Я работаю сейчас быстро и легко. Мысль моя ясная и творческая... Несмотря на военное время, несмотря на опасность, грозящую Ленинграду, я в довольно быстрый срок написал две части симфонии... Ленинград — это моя родина. Это мой родной город, это мой дом».

Седьмая, Ленинградская. Она рождалась в огне, и на страницах ее партитуры лежат отблески пожаров, это симфония войны, и в ее «теме нашествия» слышен рев вражеских танков и грохот выстрелов. Но вся она — это гимн неизмеримому мужеству нашего города, нашего поколения, нашего народа. Великая музыка великой борьбы и Великой Победы.

Я не помню, где был в тот день, когда на город Ленина упали первые вражеские снаряды. Скорее всего, на кронштадтских фортах, где обеспечивал выход нашей газеты «Ленинец» — газеты моряков, оборонявших город-крепость. А несколько дней спустя добирался в «Ленинградскую правду», в типографии которой мы закаливали клишированные заголовки, шел по улице золотого России, когда начался очередной обстрел. Ложись! — и я упал на ас-

фальт в подворотне напротив дома, где еще недавно в Союзе композиторов слушал в авторском исполнении только что написанные произведения Шостаковича, Дунаевского, Соловьева-Седого, моего друга, создателя антифашистских песен Виктора Томилина. Пройдет еще два года — и Виктор погибнет вместе со своими бойцами у Невской Дубровки.

А потом настала первая ночь, когда фашистским самолетам удалось провалиться к Ленинграду и сбросить бомбы. Среди жилищ, особенно пострадавших тогда, был особняк напротив дома, где жил Шостакович. Перед окнами квартиры композитора запылал гигантский костер. И на листах партитуры появился первый знак: «ВТ» — «воздушная тревога». И чем дальше, тем чаще на нотных листах появлялись эти две буквы: «ВТ». «ВТ». И тогда руководитель ленинградской композиторской организации брал каску и противогаз и шел на крышу — исполнять обязанности бойца МПВО.

А седьмого сентября, как свидетельствует блокадная хроника, в Большом зале Ленинградской филармонии при полном стечении публики состоялся концерт, в котором участвовали артисты О. Иордан, Б. Горин-Гординов, писатель Е. Шварц и композитор Д. Шостакович. Сбор от концерта — свыше десяти тысяч рублей — был передан в Фонд обороны.

ВСЕ ДНИ, месяцы, годы блокады осажденный Ленинград оставался неприступной цитаделью, мужественно сражался с оккупантами. И музыка великих

композиторов мира, в том числе и тех, чье наследие особенно стремилось растоптать, уничтожить фашизм, тоже участвовала в этой битве. Мы, ленинградцы, помним: в лютую зимнюю ночь, еще до того как Москва, Ленинград, фронт, тыл и весь мир услышали Седьмую симфонию Шостаковича, к нам на передовую и в наполовину вымершие, замороженные кварта-

детельство поэта: «Сам город стал явлением, обнажающим свою непобедимую природу борца. Все его революционные легенды оделись плотью... Почти симфонический гром канонады, визг летящих бомб и зарево, освещавшее мертвое пространство ночей, — все окружение было так величественно, что добавлять лишнее казалось кощунственным...»

К 80-летию Д. Д. Шостаковича

МУЗЫКА НАШЕГО МУЖЕСТВА

ры радио передавало Девятую Бетховена. Ее финал — оду «К радости» на стихи Шиллера мы слушали с зенитчиками на Марсовом поле. И это было как бы предвосхищением Седьмой Ленинградской, родившейся здесь, среди хаоса уничтожения и пафоса борьбы, чтобы уже навсегда остаться свидетельством непреклонного мужества человеческого гения.

Как создал ее Шостакович? Как создал свою поэму о железных ночах Ленинграда Николай Тихонов? Хотите это узнать — вслушайтесь в сви-

И наступило 9 августа сорок второго года. За несколько минут до того, как изможденный, неистовый Карл Элиасберг встал в филармонии за дирижерский пульт, Ленинградское радио объявило: «Вы услышите впервые исполняемую в Ленинграде Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича, нашего выдающегося земляка. Он написал это замечательное произведение здесь, в нашем городе, в дни Отечественной войны, в дни, когда враг бешено рвался к Ленинграду, когда фашистские мерзавцы обруши-

вали на наш город бомбы, снаряды, когда немцы кричали на всех европейских перекрестках, что дни Ленинграда сочтены. Дмитрий Шостакович написал симфонию, которая зовет на борьбу и утверждает веру в победу. Само исполнение Седьмой симфонии в осажденном Ленинграде — свидетельство неистребимого патриотического духа ленинградцев, их стойко-

го и преданного вам Д. Шостаковича».

Мне не пришлось присутствовать тогда в филармонии: я был в Кронштадте и слушал трансляцию вместе с балтийскими подводниками, только что вернувшимися из победного похода. А нынче я встречаю участников этого концерта в школьном музее. Большинство из них — военные музыканты. Они сражались на передовой, охраняли любимый город от вражеских лазутчиков, стояли на страже у мостов и заводов. И — играли Седьмую симфонию.

А рядом с ними вижу артиллеристов тех лет, которых по праву можно назвать участниками концерта, хотя и они в тот вечер не переступали порога филармонии. Они проводили мощный контрбатарейный удар, позволивший сделать так, что в драгоценные восемьдесят минут звучания симфонии фашисты не смогли сделать ни одного выстрела по городу.

КОГДА-ТО мой старший товарищ, участник гражданской и Отечественной войн, крупнейший знаток советского и мирового балета Юрий Иосифович Слонимский рассказал мне о своем знакомстве с Шостаковичем, состоявшемся еще в первые годы Советской власти. Начинаящий композитор жил, как и вся наша встававшая из развалин республика, бедно, работал в некоем кино тапером. Слонимский не назвал мне кинотеатра, но я запомнил его рассказ — и спустя много лет все-таки узнал, где это было. Кинотеатр этот носит название «Баррикада» и находится в том доме, где Горький когда-то основал коммуны —

жилище и своеобразный клуб писателей. В нем жили и творили Николай Тихонов, Ольга Форш, Александр Грин, Михаил Слонимский, Всеволод Рождественский и многие молодые в ту пору писатели. Здесь Блок читал «Двенадцать», Маяковский — «150.000.000», Грин — «Алые паруса»... И в этом окружении как-то по-своему, непривычным и близким предстал передо мной облик великого композитора современности — таким, каким мог быть он среди них, сыновей и дочерей новой, лишь постигаемой эпохи, эпохи, культуру которой им предстояло еще создавать:

Он склонялся, руки
простерший,
Тусклым отблеском

освещен,
Позабыв упрек билетерши,
Что играет не вальсы он,
А какое-то наважденье,
Непонятное никому.
Но с экрана высокой

тенью
Улыбался всадник ему.

В краснозвездных шлемах
к потомкам

Шли герои рвущихся
лент,

И еще не пронес
«Потемкин»

В людных залах огонь
легенд.

Но победная песня
мчалась

Из цехов рабочих застав,
Это все еще начиналось,
Лишь позднее Музыкой

став,
Ритмом улиц, шорохом

льдинок,
Новизной весенней земли.
И зачатки крыл

лебединых
За плечами его росли.

Всеволод АЗАРОВ.